

Взгляд Линь Тунси, до этого равнодушный и рассеянный, стал пристальнее. В его темных глазах промелькнуло мимолетное раздумье — он словно пытался прочесть скрытые мотивы собеседницы.

Ли Маньмань едва наскребла смелости на признание, но стоило ей встретиться с ним глазами, как остатки решимости мигом испарились. Девушку затрясло сильнее — то ли от волнения, то ли от пронизывающего холода, с которым не справлялся даже плотный шерстяной плед.

В тот миг, когда она уже отчаялась услышать ответ и упала духом, Линь Тунси мягко улыбнулся:

— Хорошо, давай поговорим.

Маньмань тут же воспрянула духом. Напряжение, сковавшее ее плечи, спало. Она робко улыбнулась своему партнеру по площадке:

— Спасибо, брат Линь.

Когда объявили о возобновлении съемок, Тунси сразу заметил перемену: девушка наконец взяла себя в руки. Она больше не выпадала из кадра, и хотя смущение то и дело прорывалось наружу, Маньмань изо всех сил старалась держать его под контролем. Теперь она действительно играла свою роль — Драгоценную супругу Фу, а не просто заученно двигалась перед камерой. Прогресс был очевиден.

Работа над сценой затянулась почти до девяти вечера. Режиссер Ся Чуньчжи до последнего мучил группу, добиваясь идеального дубля, и лишь когда результат его полностью удовлетворил, скомандовал долгожданное: «Снято!»

Маньмань пришлось раз за разом погружаться в пруд. И пусть воду для нее подогревали, морозный воздух делал свое дело. К концу смены ее губы посинели от холода, и даже длинный пуховик, в который ее тут же закутали ассистенты, не помогал унять дрожь.

Линь Тунси выглядел не лучше. К тому моменту, как он сел в машину, чтобы ехать в отель, кончики его мокрых волос уже успели покрыться ледяной коркой.

Узнав, что Тунси согласился на ночной разговор с актрисой с глазу на глаз, близнецы Лэ Бэй и Лэ Жань единодушно сочли эту затею опрометчивой.

— Брат, ее внезапное желание пооткровенничать посреди ночи — это же чистой воды провокация, — хмурился Сяо Бэй.

— Я все перепроверил, — возразил Сяо Жань, не отрываясь от экрана планшета. — Слив тех снимков в сеть — не ее рук дело. Ни сама Маньмань, ни ее пиарщики к этому не причастны.

— И все равно это глупо! — не уступал брат. — За тобой следят, Тунси. На съемочной площадке точно есть крыса. Стоит вам остаться наедине, как вас тут же щелкнут скрытой камерой. И завтра утром мы опять проснемся со скандальными заголовками на первой строчке Вейбо. Оно тебе надо?

Сяо Жань лишь хладнокровно пожал плечами:

— Но ведь брат именно этого и добивается. Чем активнее они суется, тем больше совершают ошибок. Каждая новая зацепка приближает нас к их кукловоду. Мы поймем их мотивы и сможем раскопать гораздо больше.

Лэ Бэй ошеломленно моргнул и перевел взгляд на актера:

— Так ты намеренно подставляешься под удар?

Линь Тунси загадочно улыбнулся, не подтверждая и не опровергая догадку.

— Мороз крепчает, — спокойно заговорил он. — После десяти вечера на террасу отеля никто в здравом уме не сунется. К тому же сейчас весь комплекс заселен нашей съемочной группой, а у всех завтра тяжелая смена, так что лишних зевак там не будет. Мы встретимся на крыше. Ваша задача — залечь на дне и следить за окружением. Заметите кого-то подозрительного — не шумите. Но если поймаете с поличным, когда этот умелец достанет камеру, — берите его тепленьким.

Близнецы слаженно кивнули:

— Поняли. Сделаем.

Ровно в половине одиннадцатого Линь Тунси уже стоял на террасе. Минуты через три послышался сухой стук тонких каблучков по плитке — Маньмань явилась без опозданий.

Девушка явно тщательно продумала свой образ: элегантное приталенное пальто поверх изящного коктейльного платья пастельных тонов. Она шла легкой, летящей походкой, изо всех сил стараясь держать лицо и приветливо улыбаться, однако Тунси сразу заметил ее побелевшие и мелко подрагивающие от холода пальцы.

Не проводи Сяо Жань доскональное расследование, Тунси непременно заподозрил бы неладное. Нарядная, замерзшая актриса посреди зимней ночи на крыше — идеальная мишень для папарацци. Казалось, она сама сделала всё, чтобы подстроить компрометирующие снимки.

При виде Тунси ее глаза вспыхнули неподдельной радостью. Подойдя ближе, она тихо позвала его по имени и, зябко поёжившись, пожаловалась капризным полусшепотом:

— Брат Линь, здесь же жуткий сквозняк и совсем нет обогревателей... Зачем мы поднялись сюда? Неужели нельзя было спокойно поговорить в гримерной или в холле?

Порыв ледяного ветра хлестнул по лицу. Линь Тунси застегнул пуховик до самого подбородка и глубже натянул пушистый капюшон.

— В тепле у людей часто мутится разум, — отозвался он ровным, лишенным сочувствия голосом. — А мороз отрезвляет. Хочу, чтобы наш разговор прошел без лишних эмоций.

Девушка растерянно моргнула. Подобная холодность застала ее врасплох — перед ней стоял словно чужой человек, ни капли не похожий на того мягкого и понимающего партнера, к которому она привыкла.

Во время работы над дорамой «Время перед глазами» они успели сблизиться. Конечно, лучшими друзьями не стали, но общались тепло и непринужденно. Поверить в то, что этот ласковый мужчина может превратиться в ледяную глыбу, было невозможно.

Сейчас его тон казался еще более резким и отчужденным, чем днем на съемочной площадке.

Маньмань окончательно смешалась. Легкая одежда не спасала от ночной стужи, мысли путались, а колючий ветер выдувал из головы последние остатки заготовленных фраз. Резкая отповедь Тунси выбила у нее почву из-под ног. Она тщетно пыталась понять, чем заслужила подобное обращение.

Втянув голову в плечи, Маньмань тихо произнесла:

— Брат Линь... Я понимаю, что втянула тебя в сомнительную историю, и прошу прощения, если мои дневные слова прозвучали как шантаж. Но поверь, у меня не оставалось иного выхода. Если мы не проясним всё прямо сейчас, я просто сорву съемки следующих сцен. Я физически не могу войти в кадр.

Тунси смерил ее равнодушным взглядом.

— А о последствиях нашей встречи ты подумала? Ты снимаешься со второго курса института, а за плечами у тебя уже несколько крупных проектов. У тебя есть личные менеджеры, собственная студия и весьма неглупые покровители. Ты обязана знать правила игры в шоу-бизнесе. А если у тебя не хватает ума, то твоя команда должна была встать живым щитом, чтобы не допустить этой глупости. Как они позволили тебе прийти сюда? Мое имя за неделю дважды полоскали в трендах Вейбо из-за дурацких сливов. Из-за меня под удар попал киноимператор Гао Лан. За мной следят, Маньмань. Любое мое движение фиксируется. И наша встреча на этой крыше уже завтра станет достоянием общественности. За всю твою карьеру не было ни одного громкого скандала, репутация чиста. Неужели ты готова пустить все псу под хвост ради минутной прихоти?

Говорил он спокойно, без нажима или злости, будто буднично обсуждал прогноз погоды, но от этой безразличной интонации девушке стало по-настоящему жутко. Каждое слово ложилось на ее плечи непосильным грузом.

Она упрямо вздернула подбородок:

— Когда мы снимали «Время перед глазами», пресса тоже постоянно публиковала наши совместные кадры и бэкстейджи. И ничего страшного не случилось.

— Не путай теплое с мягким, — отрезал Тунси. — Тогда это был официальный прогрев проекта. Сейчас — спланированная травля, цель которой — смешать мое имя с грязью. И ты добровольно лезешь в эту петлю вместе со мной. Молодая актриса без связей получает ключевую роль в историческом блокбастере... Сама подумай, сколько завистников мечтают стереть тебя в порошок при первой же ошибке.

Пронизывающий ветер за пятнадцать минут выстудил из нее остатки тепла. Пальцы окончательно онемели, а тело сковала странная, тупая анестезия. Жесткие, трезвые слова Линь Тунси подействовали как ушат ледяной воды. Тот пожар, что бушевал в ее груди с самого обеда, угас, оставив после себя лишь горстку серого пепла.

Маньмань опустила голову. Из ее голоса исчезли прежние просительные нотки:

— Мои агенты не знают о творческом кризисе. И о том, что я пошла к тебе, — тоже. Это исключительно моя инициатива. Да, я поступила глупо и безрассудно. Но если бы я не решилась, я бы сошла с ума. На остальное мне плевать. Даже если нас сфотографируют, у пиар-отдела моей студии есть готовые кризисные кейсы на любые случаи жизни. Они справятся.

Впрочем, здесь она не лгала. Пробриться на роль такого уровня в ее годы без мощной поддержки за спиной было невозможно, и ресурсы ее покровителей действительно были огромны.

Линь Тунси глубже засунул руки в карманы пуховика. В его изящных чертах сквозило ленивое безразличие.

— И какая же смертельная беда заставила тебя так рисковать?

Девушка вскинула на него широко раскрытые, влажно блестящие глаза:

— Неужели ты до сих пор ничего не понял, Тунси? Неужели не чувствовал?

Он слегка нахмурился. Сделав пару шагов в сторону, Тунси прислонился спиной к бетонной колонне и перевел взгляд на ночной город. Он хранил молчание, всем своим видом показывая

нежелание продолжать эту тему.

Разумеется, он всё прекрасно видел и понимал. Когда Маньмань, запинаясь и глотая слезы, наконец выговорила всё, что лежало у нее на душе, ее признание в точности совпало с его догадками.

Настоящая актерская игра требует искренности — нужно уметь по-настоящему слушать, видеть и чувствовать своего партнера. Маньмань, привыкшая к сухим, техничным съемкам по шаблону, оказалась не готова к бешеной самоотдаче Линь Тунси. Его игра завораживала, а невероятная, порочная красота окончательно лишила девушку рассудка. И она не заметила, как вымышленная привязанность переросла в реальную одержимость.

Дорама закончилась, но Маньмань так и не смогла выйти из образа. Вместо этого она увязала в своих чувствах всё глубже. Теперь, играя Драгоценную супругу в новом историческом проекте, она неосознанно проецировала личную тоску на экранного персонажа, из-за чего рисунок роли безнадежно ломался.

Открыться агентам она побоялась — те мигом привели бы ее в чувство жесткими методами. Она решила разобраться сама. Сказать всё прямо в лицо Линь Тунси. Да, она влюбилась. И ничуть об этом не жалеет. Ей просто нужно было услышать его ответ, поставить точку в этой затянувшейся неопределенности.

— Какого именно результата ты ждешь? — Линь Тунси, как и всегда, рубил с плеча, не заботясь о чужих чувствах. — Ты мне не интересна.

Девушка покачала головой, отказываясь принимать очевидное:

— Но на съемках... я же видела, как ты смотрел на меня! Ты был так нежен. И сегодня... ты ведь так много знаешь обо мне, о моей карьере. Значит, я тебе не безразлична?

Его лицо вновь превратилось в маску безупречного, но безжизненного изваяния.

— На площадке я выкладываюсь без остатка. Но как только гаснут софиты, я полностью стираю персонажа из памяти. Я никогда не путаю вымысел с реальностью. Тот, кто испытывал к тебе нежность, остался в сценарии прошлой драмы. У тебя профессиональное актерское образование и солидный опыт. Не мне учить тебя базовой психогигиене. Справляйся со своими эмоциями сама.

— Да при чем тут опыт?! — в отчаянии воскликнула она. — С другими всё было иначе! Ты особенный, Тунси. Никто и никогда не заставлял мое сердце биться так безумно.

Тунси медленно повернулся к ней. Впервые за весь вечер он посмотрел ей прямо в глаза — пристально, жестко, не давая ни малейшего шанса на иллюзию.

— Во мне нет ничего особенного, Маньмань. Я преследую исключительно собственные интересы. Твои душевные порывы меня не волнуют, и я не обязан нянчиться с твоими чувствами. Хочешь правду? Я прекрасно знал, что за нами будут следить на этой крыше. Но все равно пришел. Знаешь почему? Ты для меня — обычная наживка, на которую я выманю шпиона. Если ты дорожишь своей карьерой и не хочешь, чтобы режиссер Ся завтра же выставил тебя со съемочной площадки с позором, возьми себя в руки и разберись со своим бардаком в голове.

Разговор был окончен. Не тратя больше ни секунды на бесплодные пререкания, Линь Тунси развернулся и зашагал прочь, оставив плачущую девушку один на один с ледяным ветром.

Однако стоило ему переступить порог и выйти в теплый коридор, как он едва не врезался в фигуру мужчины, застывшего у двери. Это был Цинь Нань. Судя по его невозмутимому виду, стоял он здесь уже прилично.

Из-за приоткрытой двери террасы донесся тихий, приглушенный всхлип. Цинь Нань, похожий на монументальное изваяние, медленно повернул голову.

— Семнадцатая, — хрипло произнес он.

— Что? — Тунси, разнеженный внезапным теплом после уличного холода, непонимающе захлопал ресницами. Его сонный взгляд метался по лицу Цинь Наня, отказываясь верить в реальность его появления здесь.

Цинь Нань сделал шаг навстречу, его темные глаза опалили Тунси тяжелым, ревнивым блеском.

— С тех пор как мы знакомы, это уже семнадцатый раз, когда я застаю кого-то за признанием тебе в любви.

<http://bllate.org/book/20602/2131296>